

Джулия Эйлер

НЕВЕСТА

16+

Джулия Эйлер

Невеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67034268

SelfPub; 2023

Аннотация

Агнесса – безбожница, среди целой деревни фанатиков. Вопреки ее вере, девушку любят за самоотверженность, храбрость и мудрые не по годам решения. Однако магическим образом сгорает церковь, а с ней уходит божественная благодать. Люди в ужасе. Один из старейших вспоминает легенду о Полозе, который может подарить богатство... А ведь Яринцам нужно даже меньше, всего лишь какая-никакая церковь! Великий и ужасный Полоз откликается на зов, но ему нужна жертва. И на эту роль подходит только Агнесса.

Содержание

Серия 1	4
Серия 2	12
Серия 3	20
Серия 4	28
Серия 5	36

Джулия Эйлер

Невеста

Серия 1

*«А если уж вползает к нам в жилище,
Ему во славу божию литвин
От века не отказывает в пище:
Пьют молоко, и кови у них один.
И, зла не причиняя, в колыбели
Гад на груди младенца мирно спит,
Свернувшись в бронзовое ожерелье...»
Адам Мицкевич "Гражина"*

Тринадцать лет назад

Как я оказалась в лесу одна в пять лет? Ума не приложу. Хотя, удивляться тут, если честно, нечему. Я этот лес как свои пять пальцев знаю, и наверное лет с пяти одна туда и хожу. То по ягоды, то по грибы, то ещё зачем-то. Хорошо мне в лесу. Дышится легче. В суетливом Ярино, где *все делается для Бога, ради Бога и из-за Бога*, всегда было что-

то неправильное... А в лесу другие законы. Другие боги и божества, которые всегда притягивали меня куда сильнее.

Блуждала по лесу, наслаждаясь тишиной и спокойствием, собирала ароматную землянику, как вдруг наткнулась взглядом на чьи-то босые ноги. Подняла голову и встретила глазами с прекрасным, светловолосым юношей, по щекам которого текли слезы. Большие, прозрачные капли вытекали из почти таких же прозрачных глаз. Но удивило меня не это.

Какое-то время я просто стояла и смотрела на него. Я никогда раньше не видела, чтобы взрослые мальчики плакали. Никогда! Наверное, будь он помладше, я бы бросилась его успокаивать, жалеть, на худой конец. Но он был взрослым. Почти мужчиной. Для меня это было дико!

В Ярино и девочкам-то плакать можно было лишь до семи лет. А тут почти мужчина. Так что я просто стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд.

Прозрачные капли беззвучно падали на ещё сырую после дождя землю, рядом с бревном, на котором сидел мальчик.

– Чего вылупилас-с-сь, малявка? – с вызовом спросил мальчик и резко провел руками по щекам, вытирая слезы.

– Извини, – сказала я, переступив с ноги на ногу. Почему-то находиться рядом с мальчиком стало неудобно. – Я просто никогда не видела, как мужчины плачут.

– Я не плачу, – отрезал он. – И я не муж-ш-шшина. Я – З-с-смей.

– Как это? – Я изумлённо выпучила глаза. Потом до меня

дошло, я нахмурилась. – Издеваешься?

– Нис-с-сколечки, – помотал головой мальчик. – Я и правда З-с-смей.

– Ладно, – я кивнула, согласившись. – Почему же ты тогда плачешь, Змей?

Он посмотрел на меня, прищурился и ответил:

– Не хочу с-с-становитьс-с-ся Уж-ш-шиным ц-с-сарем. З-с-смейем быть прощ-ш-ше – ответс-с-ственнос-с-сти меньш-ш-ше. Да и можно полз-с-сать где вз-с-сдумаетс-с-ся с-с-сут-ками напролет.

– То есть, ты боишься принимать на себя эту, как ее там... – Я задумалась, забыв слово, которое мальчик только что называл.

– Ответс-с-ственнос-с-сть.

– Точно! – улыбнулась я. – А что это такое?

Мальчик посмотрел на меня так, будто в жизни не видел человека глупее. А я что? Я всю жизнь в деревне прожила. Оно и понятно.

– Ответс-с-ственнос-с-сть – это когда ты делаеш-ш-шь то, что надо, а не то, что хочетс-с-ся. И делаеш-ш-шь, это, что бы это ни было, вовремя.

– Звучит так себе, – согласилась я, присев на бревно подле мальчика. – А почему ты просто не откажешься?

– Ес-с-сли бы вс-с-се было так прос-с-сто! Дело в том, что отказ-с-саться нельз-с-ся. Выбирать из нас-с-с, меня и ещё пятерых братьев, будет Уж-ш-шиный ц-с-сарь, наш отец-с-с.

И он видит нас-с-с и наши пос-с-ступки нас-с-сквоз-с-сь. То есть, я конечно могу с-с-сейчас убить тебя, например. – Он повернулся и грустно посмотрел на меня своими прозрачными серыми глазами. – Тогда я точно не с-с-стану ц-с-сарем, но и с-с-собой быть больше не с-с-смогу.

– Убивать меня – точно плохая идея, – улыбнулась я. Страшно мне не было, опасности от этого странного мальчика я не чувствовала, потому продолжала сидеть рядом.

– Вот и я об этом ж-ш-ше.

– Слушай, но может быть, ты получишь что-то хорошее, кроме ответственности. Стать царем, это ведь ещё и власть!

– На кой черт мне с-с-сдалась эта влас-с-сть? – горько усмехнулся мальчик.

– Ну, например, ты сможешь на завтрак, обед и ужин есть конфеты, и никто тебе не запретит! – воскликнула я, представив, какое это было бы счастье.

Мальчик снова внимательно посмотрел на меня, и взгляд его изменился. Будто до этого он видел только сопливую малявку, а теперь заинтересовался.

– Ладно, может, так будет даж-ш-ше лучш-ш-ше, – улыбнулся он.

И такой красивой оказалась его улыбка, что я залюбовалась.

– Улыбка идёт тебе больше, чем слезы, – призналась я.

– С-с-слуш-ш-шай, – вдруг встрепенулся он, проигнорировав мои слова. – А ты умееш-ш-шь читать?

– Умею. Только у нас в Ярино книжек нет совсем, этой зимой морозы страшные были, пришлось спалить все знания, – с сожалением покачала головой. Меня и правда очень расстраивало то, что книг больше нет и купить их не на что.

– Ес-с-сли я буду передавать тебе по одной книге в неделю, ты будеш-ш-шь их читать? – прищурился он.

– Спрашиваешь? – воскликнула я. Вскочила на ноги и встала напротив мальчика. – Конечно буду!

– Тогда по рукам?

Он снова улыбнулся, да так широко, будто только что заключил прекраснейший договор, который в будущем принесет ему много хорошего.

А я снова залюбовалась. Даром, что малявкой была, а в мальчика я влюбилась. Слишком он был красив и умен, да ещё и предложил мне то, о чем я мечтала больше всего на свете. Вот только я ещё не знала, что за все хорошее в этой жизни нужно платить...

Сейчас

Огонь. Красный, с черными прожилками. Ревет, как раненый зверь, бушует, сметает все на своем пути. В этом ненасытном пламени догорает наша церковь. В этом священном пламени погибает наш бог. В этом дьявольском пламени до-

тлевают наши надежды.

Не будет больше легких родов, богатых урожаев. Не будет любви. Ничего больше не будет, ведь наш покровитель уходит.

Мы пытались их спасти, клянусь, мы пытались! Кто водой, кто песком – но все мы тушили. Однако все бестолку. Будто огонь этот был непростым...

Только получалось потушить какую-то часть, как она сама по себе загоралась вновь. Люди заметили быстро. Но тушить не перестали. Нельзя было.

Мы опустили руки лишь тогда, когда без сил упали на землю. Образно, разумеется. Падать тоже было нельзя. Все, что нам осталось – смотреть. И мы смотрели. Вся деревня стояла вокруг церкви и смотрела.

Хорошо, что никто не мог увидеть нас с высоты. Должно быть, это было страшное зрелище: двести человек образуют идеальный круг, внутри которого пышным букетом багряных пионов догорает церковь.

Возле меня стояли мои родители, сестры и соседи. Мама стояла, трясясь и до боли сжимая зубы, чтобы не закричать в голос. Ее белые руки, сильно побитые деревенской жизнью, цеплялись то за отца, то за платье, то, попеременно за меня и моих сестер.

Наша соседка, Павла, завывала, как волк на луну. Я могла её понять, ведь в этом ненасытном огне только что погибли ее муж и сын. Сорокалетняя женщина осталась одна на всю

оставшуюся жизнь. Хотя, какой-никакой выбор у нее имеется: она может как горевать до конца, так и уйти за ними сейчас.

Мы же с сестрами пытались брать пример с отца: его лицо оставалось невозмутимым. Как будто, ничего непоправимого не произошло. Как будто, все еще будет хорошо.

Шарисса – средняя сестра, замороженно смотрела на огонь. Раскрасневшееся лицо казалось фарфоровой статуэткой... но из ее глаз текли слезы. Две аккуратные дорожки от глаз до подбородка говорили, что ей не все равно. Нехорошо. Дома ее, вероятно, ждут розги.

Харита – младшенькая, цеплялась за подол моего платья. Ей всего девять. Ей можно. Главное – чтобы не заплакала.

Я же крепко стояла на обеих ногах. Не шатаюсь, не сжимая кулаки, не показывая своего горя. Все просто – я и хотела бы, но так и не смогла что-то почувствовать. Возможно, все думают, что это просто шок, и дома до меня дойдет весь ужас ситуации, но у меня есть другое объяснение.

Я – безбожница. Я верю только в силы, которые видела своими глазами, и можете мне поверить: они далеко не боги. Монстры, чудовища, но не боги.

– Агнесса, – прошептала Харита, подергав меня за подол. – У меня нет сил стоять.

– Минуту, – одними губами ответила я, повернувшись к сестре.

Что же мне делать? Если Харита упадет на землю, завтра

утром она получит пять розг. Если я возьму ее на руки, получу пятнадцать. А если при всем этом ещё и не устою на ногах, получу все тридцать. Решено.

Молниеносно поворачиваюсь, хватаю сестру за талию и сажаю себе на пояс. Тонкие ручки обнимают меня за шею, Хари беззвучно всхлипывает от облегчения. Да, я все сделала правильно.

К моим пятидесяти килограммам добавляются ещё тридцать и стоять становится труднее. Но я не боюсь упасть. Я всегда теряла сознание после четырнадцатой розги, потому не важно, сколько их будет. Тем не менее, я знаю, что устою. Меня питает злость.

Обжигающая ярость в ответ на наши дикие законы, безумные правила и в ответ дьявольскому богу. Волку в овечьей шкуре.

Серия 2

Сотни лет назад одному из яринцев, обычному парню по имени Клеон, приснился бог. Он сказал:

"Взращивайте силу с детства. Стройте церкви, делайте жертвоприношения и молитесь.

В самые тяжёлые времена я буду помогать вам. Все блага, что у вас есть – они есть от меня и моего благословения.

Если завтра же не начнется строительство церкви – женщины начнут умирать в родах, ливень побьет урожай, подохнет скот.

За слезы, слабость и бесполезные эмоции наказывать розгами. Исключение – смерть. В первые тринадцать дней ее можно оплакивать. Потом или забыть, или уйти вслед за умершим".

Мы, яринцы, и раньше были сильными. И верили только в себя. Вот и Клеон не поверил в этого новоявленного бога.

На следующий день, когда строительство церкви так и не началось, скот во всей деревне упал замертво. Без причины. Куры, коровы, свиньи, лошади – все в одночасье сдохли.

Жители насторожились, а Клеон испугался. Пришел к центру Ярино, забил в колокол. Когда все жители собрались, рассказал про свой сон. Однако закоренелые безбожники не поверили. Они рассмеялись в лицо Клеону и разошлись.

Через неделю начался ливень. Дождь плотной пеленой

укрыл Ярино ровно на тридцать три часа. Разумеется, когда он закончился, все урожаи были непригодны не то, что для хранения, а даже для употребления в пищу сейчас же.

Жители снова собрались в центре, в этот раз без колокола. Волоком притащили Клеона, привязали к позорному столбу и пригрозили сжечь ведьмака, если тот не прекратит свои грязные дела.

Тот бояться перестал. Понял, что его все равно сожгут за правду. Но все же решил спасти людей, с которыми прожил свои двадцать семь лет. И тогда он вскинул голову, прокричал в толпу:

– Как догорит мое тело, начните строить церковь. Иначе погибнет Ярино. Через тридцать три часа, – сказал Клеон и обмяк. После этих слов из парня будто вынули душу. Пшеничные волосы завесили лицо, повиснув, как сосульки с крыши. Руки опустились вдоль тела, колени подкосились. Со стороны Клеон напоминал тряпичную куклу.

Он не шелохнулся, когда его обложили хворостом. Не двинулся, когда облили горючим. Не пискнул, когда подождгли.

Это был первый подарок бога. Смерть до смертоубийства. Люди же напротив, уверились в том, что Клеон убил себя сам. Магией.

Плоть занялась быстро. Воняло нещадно, но все жители Ярино стояли и смотрели. Они уже тогда, сами того не понимая, стали следовать наказам бога.

Когда от Клеона остался лишь пепел, жители разошлись по домам. Никто не помчался ничего строить. А спустя несколько часов тридцать три беременные женщины начали рожать.

Мужья не на шутку перепугались. Лишь их нерожденные дети заставили поверить в бога.

Как только началось строительство, внезапно начавшиеся, в основном преждевременные, роды прекратились. А дети, которые все же появились, считались святыми, ведь тот день стал зваться днем, когда пришел бог.

Да, я единственная в Ярино, кто считает его чудовищем. Ведь я знаю, что он таков и есть. Разве подлинный бог стал бы угрожать своим же людям их детьми? Я уверена, нет. Он бы нашел другой способ.

Яринцы уверены, что бог святой. Я же знаю, что это не так. Потому что я знаю историю Клеона, а они – нет. Потому что я умею читать, а они – нет.

Новый рассвет осветил все ещё красноватые головешки: это все, что осталось от нашего бога. И хотя все было конечно, люди не расходились. Они были настолько запуганы, что боялись двигаться, чтобы это не приняли за слабость.

Я понимала, что не могу больше стоять. У меня отваливались руки и подкашивались колени. И хотя злость моя была ещё сильнее, чем прежде, я рухнула на землю. Колени ото-звались болью, а Харита всхлипнула: она знала, чем чревата моя слабость.

Все в одночасье повернулись на звук моего падения. Никто уже давно не плакал и даже не всхлипывал. Если честно, никто уже давно не издавал ни звука: яринцы сосредоточились на том, чтобы не упасть.

Две сотни пар глаз смотрели на меня, а я смотрела на них. Поочередно переводила взгляд от первого до последнего.

Я ожидала увидеть в их глазах ненависть, ведь падение подчеркнуло мою слабость... Но то, что я увидела, повергло меня в шок: они мной гордились. Не все, конечно. Даже не многие. Но гордились!

Непреднамеренно, но на моем лице расплзлась широкая, торжествующая улыбка.

Та же улыбка не сходила с моего лица, когда я получала розги. Теперь, когда я знала, что мной гордятся, я принимала боль, как поощрение.

К вечеру собрались в центре Ярино. Нужно было решить, что делать. Строить новую церковь мы не могли, не сейчас. Нет ни ресурсов, ни сил: совсем недавно закончилась война, унесшая жизни большей половины мужчин.

Единственный выход смогли предложить старики:

– Моя прабабушка рассказывала сказки о Полозе, который может исполнить одно желание, в обмен на его желание, – начала древняя старуха, одна из старейшин Ярино. – Сейчас, в конце лета, самое время проверить, сказки это или нет. Ещё пара месяцев и ужи вместе со своим царем уйдут в ирий. Тогда спасения мы не найдем.

– А ты знаешь, что он потребует взамен? – спросил другой старейшина.

– Обычно, Ужиного царя можно было встретить как раз во время их шествия... Но мы ведь не можем столько ждать. Ситуация у нас двоякая, будем звать. За то, что потревожили, может и потребовать что-то. Да какая разница, что именно он потребует? Разве у нас есть выбор?

На том и порешили.

Звать Полоза нужно было в полночь, в самой чаще леса, так что люди разошлись по домам, чтобы подготовиться. Разумеется, каждый боялся, что царь потребует жертву. И, естественно, каждый думал, что это будет именно он.

Наверное, одна я так не думала. Я спокойно пошла к своему жениху. Ну, а чего мне бояться? Я только начала жить, у меня еще все впереди!

В сених Моргана стояла тишина. Конечно, ведь к нему кроме меня никто и не навещался. А выйти сам он не мог – пару недель назад сломал ногу. Столяр обещал, что костыли будут готовы со дня на день, но все у него что-то не клеилось, а Морган покорно ждал. Что поделаешь – столяр у нас один на десять деревень. А денег или еды, чтобы заплатить за срочность, не было.

Я скользнула в коридор и, не глядя по сторонам, направилась в спальню, где и сидел мой суженый.

Родители сосватали нас ещё в день моего рождения, восемнадцать лет назад. Женитьба уже должна была состоять-

ся, если бы не беда, приключившаяся с женихом. Именно поэтому родители были не против, чтобы я за ним ухаживала. Все таки, без пяти минут муж, да и не способен он сейчас почти ни на что.

– Привет, – поздоровалась я, наткнувшись на внимательный взгляд Моргана. – Как ты сегодня?

– Здравствуй. Я – хорошо. Шорин заходил. Он мне все рассказал. Болит?

– Почти нет, – отмахнулась я, вспомнив гордость в глазах отца. – Шорин тебя покормил?

– Да. Иди сюда, – он похлопал по кровати рядом с собой. – Сядь.

Когда я выполнила его просьбу, Морган положил голову мне на колени, а сам вытянулся на кровати. До чего же сложно ему было это сделать, со сломанной ногой... Но как же сильно мне хотелось, чтобы он лег вот так. Есть в этой позе что-то, что-то нежное и в то же время целомудренное. Я начала перебирать его темные волосы, время от времени легонько касаясь лица.

– Не ходи туда, пожалуйста, – вдруг прошептал мужчина. – Он заберёт тебя.

– Мор, ну что за глупости? – Я рассмеялась, но тут же замолчала. Зря я сократила его имя. До свадьбы так делать нельзя. – Извини, я... Это случайно выскочило.

– Брось! Мне плевать на эти условности! – воскликнул Морган, приподнявшись на локтях. А после, с трудом успо-

коившись, попросил снова. – Умоляю, не ходи!

Проще было с ним согласиться. Морган умел быть настойчивым, но в данной ситуации он был не прав. Сам ведь знает, отсутствовать может только тот, кто не в состоянии ходить.

Сейчас я соглашусь с ним, а потом, вместе со всеми остальными пойду звать Полоза. Разумеется, Шорин, друг моего жениха, сразу расскажет ему обо всем. Но все же, есть небольшая вероятность, что я приду первая и успею покаяться. А даже если нет, я приду позже, живая и невредимая, и Морган поймет, что был не прав.

– Хорошо, Морган. Как скажешь, – сказала я, и продолжила гладить его по голове.

После этих слов мужчина расслабился, ладони, сжатые в кулаки, расправились, и я увидела мозоли. Нестерпимо захотелось эти самые мозоли погладить, помассировать... А ведь Морган почти не двигается две недели. Сколько лет нужно было зарабатывать такие мозоли, чтобы за такое время они ни капли не изменились?

– Мне нужно идти.

– Знаю.

Он даже не сдвинулся с места. Впрочем, как и я.

– Мы поженимся, как только я встану на ноги. С костылями или без них.

– Да.

Я могла бы сидеть вот так вечно... Но через час все жители соберутся на лесной дороге, чтобы позвать Полоза. Ста-

роста велел всем молодым девушкам быть красивыми. На это нужно хоть и небольшое, но время.

– Мне действительно нужно идти. Отец будет в ярости.

Морган со стоном сел на кровати. Я не пыталась ему помочь – он бы не понял. Максимум, который он мог стерпеть – то, что я готовлю ему.

– Я приду утром, – сказала я, обернувшись у входа.

– Я буду тебя ждать.

Отношения у нас были прерванными. Я бы не сказала, что люблю его. Но и равнодушной я не могла остаться. Между нами было уважение. И хотя наш брак был договорным, мы оба были не против. Просто наши родители с самого детства твердили: "Морган – твой будущий муж", "Агнесса – твоя будущая жена". Мы не знали других вариантов и, по правде говоря, не хотели знать.

К дороге у кромки леса я пришла одной из последних. Старейшины уже постелили белый рушник прямо на землю, а на него положили свежий каравай хлеба, от которого маленькими струйками в небо исходил пар. Горячий ещё, видимо, только из печи достали. Рядом поставили расписанную, глиняную солонку, доверху наполненную солью.

Серия 3

– А теперь все должны поклониться до самой земли, – произнес старейшина Один. Он был грузным, широкоплечим мужчиной в летах, и голос у него был соответствующий: громкий и объемный, разносящийся на всю округу.

Жители, все как один, начали кланяться и подниматься назад.

– Я сказал поклониться! Никому не вставать!

Мне аж зачесалось сказать ему, что нужно было уточнить! Но, разумеется, я не стала. И не потому, что боялась высказаться на глазах у всей деревни. Я делала это миллионы раз. Нет, я не стала дерзить из уважения к Полозу. Вот в него-то я верила. Знала, что он существует.

На этот раз люди все сделали правильно. Поклонились все, в таком положении и остались.

Поначалу ничего не происходило. Меня потихоньку разбирали смех, из-за комичности ситуации. Нет, ну представьте сами: на лесной дороге, как грибы, торчат полторы сотни человеческих задниц... Надеюсь, Полоз придет из леса.

Спустя ещё несколько минут я решила, что Ужинный царь, зараза такая, решил не являться. Ну да, у него же там, в его змеином царстве, наверняка дел тысяча и ещё пара капель. Что ему до нас, обыкновенных людишек?

Однако через пару минут из леса послышался шорох.

Среди людей прошелся шепоток, кто-то начал выпрямляться...

– Никому не вставать! – рявкнул Один.

Шорох из леса постепенно нарастал, превращаясь в шум, на грани гула. Создавалось впечатление, что к нам направляется целое войско, но, судя по звуку, ползком.

Наконец, из густой зелени показалась одна змейка. И хотя в темноте не было видно желтых ушек, ни у кого не было сомнений, что это уж.

Шум все нарастал, и вместе с ним нарастало напряжение. Лишь спустя несколько минут раздался шипящий, и вместе с тем величественный голос:

– Вс-с-с-станьте! С-с-с-с чем приш-ш-ш-шли ко мне? Неуж-ж-ж-ж-то з-з-а рож-ж-жками с-с-с моей короны?

– Нет, великий Полоз! – сказал Один, с кряхтением выпрямившись. – Пришли просить твоей помощи.

Я вскинула голову и позволила спине принять нормальное положение. И если у меня, восемнадцатилетней девушки поясница ноет, то как она болит остальным?

По идее, я должна бы проникнуться моментом. Ведь сейчас перед нами во всей красе Ужиный царь, великий Полоз со своим войском...

Зрелище и правда было пугающим.. Огромный, метра четыре в высоту змей, с костяной короной на голове и длинным хвостом, который заканчивается где-то далеко в лесу. По обе стороны от Полоза сотни, нет, тысячи небольших

ловах жителей, когда змей со своим войском скрылся в лесу.

Поникшие яринцы потеряли надежду. Едва переставляя ноги, мы брели назад, в деревню. Многие подходили ко мне, подбадривали. Говорили, что без меня им бог не нужен...

Но я-то знаю, что это не так.

И я точно знаю, как именно я должна поступить.

Морган спал, когда я вошла в спальню. Но, стоило мне только опуститься на его кровать, как синие глаза распахнулись.

– Уже утро? – потирая глаза, хрипло спросил мужчина.

– Скоро рассвет, – ответила я, не вдаваясь в подробности.

Я пришла попрощаться. Разумеется, я не скажу этого вслух. Но то, что я собираюсь сделать, наверняка убедит его намного лучше слов.

Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в бездну, я медленно наклонилась и прикоснулась к губам Моргана. Они были твёрдыми, слегка шершавыми, но насторожили меня лишь то, что он не ответил. Его губы были неподвижны.

Когда отклонилась от него, чтобы спросить, что сделала не так, я увидела крепко спящего Моргана. Темные волосы разметались по подушке, а лицо оставалось безмятежным. Он был красив. Очень. Надеюсь, он найдет себе другую жену.

Возможно, то что мы толком не попрощались, к лучшему. Долгие проводы – лишние слезы.

С родителями я решила не прощаться. Я лишь немного

потопталась под окнами нашего дома, глядя, как домочадцы укладываются по кроватям. Они тоже знают, как я поступлю. Надеюсь только, Харита найдет мои книги и мама не запретит ей читать.

Так, не заходя в дом, я и пошла к дороге на кромке леса. Перед смертью ведь не надышишься, верно?

Хотя мне до последнего не верилось, что Полоз убьет меня... Но если жертва нужна, чтобы призвать бога и восстановить церковь, так тому и быть. Сопротивляться я не буду.

Да, наш бог темный и очень жестокий, но другого нет. Где найти другого покровителя? А совсем без него никак нельзя. Мы ведь обыкновенные люди...

Умирать, на самом деле, совсем не страшно. Особенно если знаешь, что своей смертью подаришь лучшую жизнь близким. А в том, что так произойдет, если я отправлюсь к Полозу, не стоило сомневаться. И наоборот.

А с полей уже занимался рассвет. Ярко-желтый диск солнца еле-еле поднимался в небо, как будто ему до смерти надоело светить тут каждый день. Я его, отчасти, понимала...

Однако солнце, все же, поднялось. А я дошла до леса. Там меня уже ждала маленькая змейка.

– Ну привет, – поздоровалась я. То, что тебя ведут на смерть, не является поводом для грубости. – Неужели, я настолько предсказуема?

Змейка величественно кивнула. Ну, разумеется.

– Веди тогда, что уж.

Она развернулась и поползла вглубь леса. Мне ничего не оставалось, кроме как идти за ней. Со временем лес становился темнее, гуще. Кажется, мы свернули на тропу, которой здесь никогда не было. Или её скрывала магия? Скоро стало совсем темно. Будто и не утро вовсе.

Впереди показался вход в какую-то пещеру или нору, и мы отправились туда. Я обрадовалась: путь, наконец, закончен! И оказалась права. Мы прошли по длинному коридору, в котором было множество ответвлений, бесконечно поворачивали и поворачивали... И если сначала я неосознанно пыталась запомнить путь, после седьмого поворота поняла: зря.

Наконец, мы вышли в широкий, по-настоящему большой зал. Потолок, что удивительно, был невероятно высоким. Интересно, каким образом он был построен?

Все стены, куда дотягивался взгляд, были одновременно стенами и заполненными книжными шкафами. Так вот откуда они!

Змейка, моя провожатая, легонько куснула меня за голень. Только теперь я поняла, что застыла, разглядывая чужое добро.

Сделав несмелый шаг вперёд, я остановилась. А после, не давая себе времени на раздумья, почти бегом зашагала вперёд.

В конце зала, в центре, стоял трон: золотое, массивное кресло. На нем и обнаружился мой давний знакомец.

Полоз, в человеческом обличье, вальяжно восседал на

собственном троне. Широко расставленные ноги, легкий наклон вперед, чтобы лучше меня разглядеть, локоть на правом колене: Ужинный царь пристроил подбородок на ладонь и сощурился. Как будто я не знаю, что у него идеальное зрение.

Кроме него и меня людей здесь не было, и быть не могло. Если только у него ещё нет дочерей. По старым легендам, Ужалки, так зовут дочек Полоза, могут превращаться в людей с раннего детства. А сыновья, напротив – только в период между совершеннолетием и принятием титула Ужинного царя. Таким образом, сильнейший из братьев становится царем, а слабые превращаются в змей на всю оставшуюся жизнь. И только сам Полоз может отличить простых подданных от собственных родственников.

– С-с-страс-с-стлуй, Агнес-с-са! – ворвался в мои мысли тихий, шипящий голос.

Как он это делает? Я ведь слишком далеко!

Не поздороваться в ответ было невежливо, но я решительно направилась вперёд, к трону. К Полозу.

– Здравствуй, – склонив голову, поприветствовала я. Остановившись возле трона, чуть слева, я выказала уважение. И получила возможность разглядеть Ужинного царя вблизи.

Он изменился. Возмужал. Серебристые волосы, заколотые на висках, сложной косой спускались ниже пояса. Точнее скажу только если он встанет. Стальные, хищные глаза,

густые брови и светлая кожа. Он весь будто светился изнутри холодным, устрашающим светом. Зелёная одежда походила на змеиную кожу, а может, и была ею. Гнетущее впечатление перебивал запах. От Полоза пахло... свежестью. Озоном. Будто рядом с ним недавно прошел ливень.

Я потянула носом, не в силах отказаться от позорного желания понюхать его. Глупо, как же это глупо! И разумеется, мое движение не укрылось от Полоза.

– Нас-с-смотрелас-с-сь? – протянул он, ухмыляясь.

– Вполне. Когда пройдет ритуал? Хочу поскорее покончить со всем этим, – сказала я. Мне было стыдно за собственный позор, и я не видела лучшего выхода, чем перейти в наступление.

– С-с-с жис-с-снью? – усмехнулся, выгнув бровь. Вот же! Змей!

– Даже если так? – я скопировала его жест и тон. – Ты ведь не будешь долго тянуть с жертвоприношением?

– Не буду. Потому что оно не с-с-сос-с-стоитс-с-ся, – сказал, как отрезал. И смотрит так, выжидающе.

– Как это? – глупо захлопала глазами. Перешагнула с ноги на ногу. Да уж, так глупо я себя уже давно не чувствовала. – Тогда, зачем же я здесь?

Он выпрямился, будто специально тянул с ответом. Перекинул косу на другое плечо и... ударил меня словами:

– Будет свадьба. На которой ты станешь моей женой.

Серия 4

У меня земля из-под ног ушла. Нет, я не упала, просто я была настолько ошарашена, насколько это вообще возможно!

– Но... У меня уже есть жених, – тихо сказала я. Странное дело: идти на смерть мне было просто, а вот замуж за нелюбимого... А ведь все дело в гордости. Решение умереть было моим. Решение о женитьбе приняла не я.

– Ты вс-с-се равно с-с-са него не выш-ш-шла бы, – лениво прошипел Полоз. – Мертвые не ж-ж-женятс-с-ся!

– Но и за тебя я не выйду! Я лучше умру! – в отчаянии выкрикнула я, прямо в лицо Ужинуому царю.

– Опрометчивое реш-ш-шение, – кивнул он, будто знал, что так и будет. – Тебе нуш-ш-шно ещ-щ-ще подумать.

Я не успела ответить, как он поднялся, взмахнул рукой и жёстко произнес:

– В темниц-с-су ее!

Мои руки тут же обвинили маленькие змейки, стянулись за спиной так крепко, что даже вздохнуть было тяжело. Щиколотки, голени, вся я оказалась тщательно связана за считанные секунды. Меня опрокинули на спину, куда-то понесли. Я не видела, кто. Не понимала, как. Перед глазами лишь мелькали одинаковые земляные потолки. Я решила вести себя тихо. Все равно криками делу не поможешь.

Кажется, я успела задремать, так долго меня несли. Очну-
лась от удара о землю. Меня просто бросили, как мешок с
картошкой. И хотя я была в не самом выигрышном положе-
нии, злость на мгновение заволокла сознание, и я не хуже
Полоза прошипела:

– Аккуратнее!

Разумеется, меня проигнорировали.

Я села, огляделась.

Да уж, не густо: земляная каморка полтора на полтора
метра, железная решетка, как единственный выход. Ни кро-
вати, ни туалета... Долго ли здесь проживет моя гордость?

Мне нужен план. И почему я, дура такая, полезла к Поло-
зу, не подумав? И придет ли кто-то меня спасти? Хоть бы у
Моргана ума хватило ничего не предпринимать!

А что если... Что, если я сделаю вид, что согласна на сва-
дьбу? Попрошу, чтобы Полоз меня в деревню отпустил, с ро-
дителями попрощаться, да приданое взять. А сама в это вре-
мя дам яринцам задание: узнать, как убить Ужиного царя.

Глупая идея. Никто не пойдет на такое ради меня. И так
от бога отказались. Хотя, если подумать, вероятнее всего, от
бога они отказались напоказ. Чтобы у меня появилось жела-
ние в жертвы за них идти. А я, дура, повелась. А ещё кни-
жек прочитала сколько... Думала, я в Ярино самая умная.
Ан нет. Выходит, подлость в людях самой природой заложе-
на, и от ума не зависит.

Одинокая слезинка прокатилась по щеке, упала на землю.

Я поднялась: только сейчас поняла, что пути давно исчезли, и мои конечности снова двигаются. Помахала руками, поприседала, чтобы разогнать кровь. Совсем без движения нельзя – зачахну. Не привыкла я без дела сидеть!

Наверное, со стороны мои действия выглядели странно. Я и сама думала о том, сколь бесполезны все мои потуги. Потрогала стены: теплые. Все-таки, не совсем уж тиран этот Полоз. Что-то в нем еще осталось от того светлого паренька, с которым я познакомилась тогда, давным-давно, сколько прошло? Тринадцать лет... Батюшки, да это ж целая жизнь!

Я вспомнила нашу первую встречу в лесу. Как смотрела на него изумленными глазами, как сама того не ведая, влюблялась...

Вот только я ещё не знала, что за все придется платить.

Как мы и договаривались, на этом же бревне каждую неделю лежала новая книга. Я прибегала в разное время, в надежде снова встретить мальчика, но его все не было. Так прошел год. Сначала это были по большей части сказки, потом поучительные рассказы, а потом и вовсе время от времени появлялись учебники. Я глотала все.

Мне было скучно играть с остальными детьми, так что, переделав всю работу по дому, я бежала в лес и читала.

Через какое-то время я нашла в книге записку с четырьмя словами: "Я стал Ужинным царем". Мне не нужно было уточнение, кто это, и что это. Я все помнила.

Со временем влюбленность переросла в почти болезнен-

ную любовь. Я все ждала, когда же Змей придет за мной... Но от него больше не было ни слова. И когда ко мне пришел свататься Морган, я хоть и без восторга, но согласилась. А накануне свадьбы жених сломал ногу. И теперь я, кажется, понимаю, откуда "ноги" растут! Чертов змей!

Вспоминать надоело. В сердце все ещё кололась нерастраченная любовь и обида на Полоза. Одно я знала точно: я умру, но не выйду за него. Моим мужем станет или Морган, или жертвенный алтарь.

Распалив себя такими мыслями, я вскочила на ноги и стала мерить шагами темницу.

Что же мне делать?

Притвориться паинькой и сбежать? Найдет.

Притвориться паинькой и убить его? Тогда погибнем мы все.

Смириться и стать его женой? Нет!

Черт, где же выход?

Все ждут от меня жертвы. Помощи деревне. А я, сволочь такая, не хочу сделать элементарное: выйти замуж.

Нет, не буду об этом думать!

Накручивая нервы до предела, я пропустила важную деталь: в моей темнице появился подарок. Огромная, черная коробка. Обычно я была чрезвычайно любопытна, а тут...

Увидев коробку я как-то разом сникла. Сама от себя не ожидала.

Мне больше ничего не оставалось, кроме как посмотреть,

что находится в этой странной коробке.

Там лежало красное платье в пол. Я примерно представляла, как буду в нем выглядеть: как девушка лёгкого поведения. Потому что красное, с вырезом до бедра, и спиной, открытой почти до ягодиц. Под платьем нашлись черные туфли и конверт.

В записке было всего три слова: "Ужин в семь".

Лаконично и самоуверенно.

А ведь идти мне придется, хочу я этого или нет. Может я и шла на смерть, но голодать уж никак не планировала. С этого Змееныша станется наказать меня за неповиновение.

Я аккуратно прислонилась к стене, съехала на пол. Сидеть так было, на удивление, удобно. Хотя, о чем это я? Это же матушка-земля!

Передышка у меня была, теперь нужно идти на битву. Перед смертью не надышишься.

Я рывком поднялась на ноги, и затарабанила в решетку.

– Эй, неужели вы предлагаете мне надеть это прекрасное платье прямо здесь? Не проще ли сразу пойти на ужин в моей одежде?

А в ответ тишина...

Разумеется, я разозлилась! А злиться было нельзя. Так что я крепко зажмурилась, сделала глубокий вдох, посчитала до десяти и на выдохе открыла глаза. И обомлела. Сказать, что я была в шоке – ничего не сказать.

На месте темницы, в которой я провела последние пару

часов, была комната. Не просто комната. Это были покои. Царские.

Оглядываясь с изумлением, я была похожа, наверное, на настоящую деревенщину, которая в жизни не видела роскоши. В сущности, так оно и было... Осознание таких вещей – не самое приятное, если честно.

Выделялась больше всего, как ни странно, огромная кровать с балдахином. Да, когда я встречала такие кровати в романах, они все как одна были с балдахином, но я никак не могла себе представить, что это. В реальности оказалось, что это банальная штора со всех сторон кровати... Но выглядит красиво, согласна.

Сами покои были оформлены в зелёных тонах с золотыми акцентами. С первого взгляда кажется, что полная безвкусица... А присмотрелась и поняла: красивее ничего в жизни не видела. Ощущение, что я попала в только-только наступающую осень, и не хватает только дождя.

Я обвела глазами две неприметные двери, слева от кровати. Судя по всему, ванная и гардеробная. Так, напротив кровати туалетный столик с небольшим зеркалом и множеством баночек, скляночек, гребней и прочего женского счастья.

Над зеркалом обнаружили часы и, как только я скользнула по ним взглядом, едва ли не подпрыгнула:

– Черт! А ещё позже нельзя было? Всего час до ужина!

И началась безумная круговерть. Пулей влетев в ванную комнату, предварительно перепутав ее с гардеробной, я по-

крутила все краники поочередно. Их было, почему-то, три штуки. Покрутила и поняла: в первом кране кипяток, не дотронуться. В последнем – ледяная вода, такая, что дольше трех секунд руку не удержишь. А в среднем никакая, будто идеальная середина, между двумя крайностями. Кое-как настроив температуру воды, я метнулась обратно в спальню. Разложила платье на кровати, под ним поставила туфли.

Вернулась в ванную. Тут то и появился первый восторг: горячая вода без особых усилий, мыло с прекрасным розовым запахом и, как вишенка на торте, мой любимый лавандовый шампунь. И откуда Змей узнал? Такой во всем Ярино умели варить только моя мама и я!

Впрочем, задумываться о таких вещах у меня не было времени, хотя мылась я долго. Признаюсь, грешным делом в мыслях проскользнуло, что ради такого удовольствия можно и за самого дьявола замуж выйти!

Ладно, замуж – это, наверное, весело, а мне пока нужно выйти на ужин. Ещё когда шла в ванную, заметила в другом конце комнаты зеркало в пол. И сейчас, когда я была готова облачиться в платье и туфли, оно было как нельзя кстати.

Косметикой я решила не пользоваться – смысл, если я не знаю, как правильно это делается, а на эксперименты у меня нет времени?

Встав у зеркала я поняла, что решение было правильным. Все решения: и о ванной, и о косметике.

Я была одновременно опасной и невинной – такой, ка-

кой я являлась на самом деле. Черные туфли на небольшом каблуке выпрямили ноги, красное, облегающее платье в пол больше показывало, чем скрывало. Каждый изгиб моего тела выставлялся на всеобщее обозрение, и меня это злило.

Однако же выражение лица, в обрамлении русых волос было максимально невинным, как я ни старалась.

Ну, пусть будет так. К тому же, на часах десять минут восьмого, пора бы отправляться. Но вот незадача: я совершенно не представляю, куда идти.

Стоило мне выйти за дверь, как проблема была решена – меня уже ждала маленькая змейка, прислужница Полоза.

Шли мы почти все время прямо и, как ни странно, не долго. Минут через пять мы остановились у широких, от пола до потолка дверей. Вскоре они открылись сами собой и я поспешила войти.

Серия 5

Первым я увидела стол. Стол, накрытый на двадцать, по меньшей мере, человек. Во главе сидел Полоз и внимательно смотрел на меня. Видеть я этого не могла, не то расстояние, но почти физически чувствовала его взгляд...

– Может хватит раздевать меня глазами?

Мой голос разнёсся по трапезному залу с таким эхом, будто мы находились в горах.

Знаю, это было дерзко. Но я хотела показать, что не боюсь его.

– Или с-с-сюда, маленькая З-с-смейка. – Он поманил меня и, я пошла. Хоть убейте, не понимаю почему, но пошла.

Остановилась напротив, нагло посмотрела ему в лицо. Со мной творилось что-то невообразимое: ладони вспотели, в груди стало тесно. Я пожалела, что оставила волосы распущенными: может, мне было бы не так жарко...

– Прис-с-саж-ш-шивайс-с-ся, поуж-ш-шинай с-с-со мной.

И я снова послушалась. Покорно уселась по левую руку от него и взялась за столовые приборы. Этикет я знала по книгам и, как оказалось, очень неплохо знала.

– Давай сыграем в одну очень простую игру, – предложила я, отрезав себе кусочек плохо прожаренного мяса. Я не представляла, как смогу это съесть, но судя по всему, должна, так как оно лежит на моей тарелке.

– В какую? – спросил Полоз, следя за каждым моим движением.

– Называется "Правда или дело". Суть игры заключается в том, что я спрашиваю у тебя "Правда или дело", ты выбираешь и в зависимости от твоего выбора я либо задаю тебе вопрос, либо загадываю желание, – объяснила я, попробовав мясо. И едва не застонала от удовольствия. Ничего вкуснее не пробовала! – Врать или отказаться от желания нельзя.

– Какая интерес-с-ная игра, – усмехнулся Полоз, проследив взглядом за тем, как я нарезаю оставшееся мясо. – Что ж-ш-ш, я не против поиграть с-с-с тобой. Начинай.

– Для начала пара вопросов вне игры: как я могу тебя называть?

– А второй вопрос-с-с?

– Ты можешь перестать шипеть? Раздражает, знаешь ли.

– Ого! Я думал, тебе это нравится! – почти обиженно воскликнул он, на секунду выйдя из образа коварного соблазнителя.

– Хорошо, а как насчёт имени? – переспросила я, решив не акцентировать внимание на его человечности. Вдруг это очередная игра?

– А имя знать тебе пока не обязательно, – отрезал он. – Правда или дело, Агнесса?

– Правда.

– Ты любишь своего жениха?

Это был вопрос ниже пояса. Соврать я не могла если рас-

считывала на честность с его стороны. Но и сказать правду – равносильно согласию на брак с ним. Черт!

– Нет, но...

– Достаточно, – перебил Змей. – Моя очередь. Я выбираю дело.

– Отпусти меня повидаться с родными, – начала я с козырей.

– Хорошо, – сказал он. В смысле? Все было так просто? – Правда или дело, Агнесс?

– Правда, – ответила я, не сомневаясь в правильности выбора. Скрывать мне нечего.

– Зачем тебе выходить замуж за нелюбимого?

– Я всегда выполняю свои обещания, – чуть резче, чем следовало, ответила я.

– Постой-ка, – он поднял на меня взгляд и отложил столовые приборы. – Ты обижена на меня? Но ведь я обещал тебе только книги каждую неделю!

– Моя очередь задавать вопросы. Правда или дело, Змей? – спросила я, и тоже отложила в сторону вилку с ножом.

– Правда.

– Зачем ты дал мне знать, что остался человеком?

– Это показалось мне правильным, – растерянно отозвался он.

– А явиться самому тебе не показалось правильным?

– Ты забываешься, Агнесса, – сказал он, враз переменив-

шись. Лицо приобрело жесткое выражение. – Мы продолжим этот разговор, когда ты вернёшься от родителей.

Он рывком поднялся из-за стола, опрокинув стул.

– Поужинай плотно, завтра утром тебя отведут в Ярино. Ровно через сутки ты должна вернуться. Не вернёшься...

– Я поняла, – перебила.

Он снова посмотрел на меня так, будто готов убить, но я не дрогнула. То ли у меня совсем нет инстинкта самосохранения, то ли он отказывается работать лишь рядом со Змеем.

Как бы то ни было, он ушел, громко хлопнув тяжёлыми дверями, а я осталась за столом, тупо глядя ему вслед. Аппетит пропал, но Полоз был прав: необходимо плотно поесть.

Так что я быстро запихала в себя оставшееся мясо, почти не чувствуя вкуса, и вышла за дверь. Змейка-проводная привела меня, как ни странно, в те же роскошные покои, в которых я приводила себя в порядок. Неожиданно! Я была почти уверена, что спать буду на полу в темнице.

Стоило голове коснуться подушки, как на меня навалился липкий, тяжёлый сон. В нем на меня нападали змеи, и спасал тоже Змей, один конкретный, и не было этим битвам ни конца, ни края.

Проснулась резко, как от толчка. Первые минуты оглядывалась, как оглашенная, пыталась вспомнить где я, и что здесь делаю.

Вспомнила. Обрадовалась. Скоро я увижу родных!

Отказать себе в удовольствии сходить в ванную я не смог-

ла. Зато вышла оттуда, спустя пятнадцать минут, чистая и полностью проснувшаяся.

Стоило мне облачиться в свою одежду, как дверь открылась: на пороге была все та же Змейка-проводжата. Хотя может и другая, откуда мне знать? Они тут все одинаковые, как по мне.

Путь до деревни был быстрым. Намного быстрее, чем когда я шла на смерть, и это удивляло.

Скоро я увидела свой дом. Не успела обрадоваться, как навстречу выбежала Харита и крепко обняла меня, уткнувшись носом в живот.

– Я скучала, сестрёнка! – всхлипывая, шептала она. – Я думала, тебя уже нет!

Странно. Прошли всего одни сутки, с чего бы ей так думать?

Не медля ни секунды, я пошла в дом. Мать, увидев меня, уронила нож, что держала в руках.

– Мы тебя похоронили, Агнесс! – прохрипела она и кинулась обнимать меня.

– Мам, клянусь, если ты не перестанешь меня душить, вам придется опять меня хоронить!

– Типун тебе на язык! – в сердцах воскликнула мама.

Когда все вокруг устаканилось, насколько вообще это было возможно, мы сели пить чай. Тогда мама и рассказала, что следом за мной пропал Морган, а на месте пепелища за эти сутки выросла новая церковь. И что наш бог сильно обрадо-

вался, и дал второй урожай за год.

– Вот так, все радуются, а мы по тебе слезы льем, – закончила мама, шмыгнув носом.

Надо уточнить, что она не врала. Ее лицо действительно перечеркнуло горе, а на висках в черных волосах появились седые пряди.

Получается, гаденыш Змей не сомневался в моем согласии? И куда подевался Морган? Он ведь не мог пойти меня спасать со сломанной ногой. Если только... Если только его нога и не была сломана!

Догадка стрельнула мне в голову так же неизбежно, как топор, коловший дрова. Бах, и часть меня раскололась надвое.

Время до вечера прошло как в тумане. Я со всеми обнималась, кивала, принимала благодарности, но в общем и целом отсутствовала. В какой-то момент я поняла: до утра не дотерплю.

Так что когда домочадцы собрались укладываться спать, я засобиралась.

– Куда же ты? – спросила мама, заступив входную дверь.

– Агнесс, ты вернёшься? – снова подскочила ко мне сестра и обняла.

– Мне нужно идти. За все нужно платить, – с сожалением отозвалась я, снимая с своего пояса руки Хариты. – Я выхожу замуж, так что в гости я ещё загляну.

Я быстро обняла мать, отца и остальных сестер, и пока

они осмысливали сказанное, выскочила за двери и стремглав бросилась в лес.

Провожатых не было, но я знала, куда идти. Я чувствовала.

В зале он был один. Сидел на троне с опущенной головой, будто хотел показать мне, как сильно жалеет. Вот только о чем именно он жалеет?

– Твое имя Морган, не так ли? – едва слышно спросила я, подойдя к трону. Наверное, было что-то в моем голосе, вынудившее его сказать правду.

– Да.

– Это ты сжёг церковь?

– Да.

Это стало для меня очевидно, когда я сложила вместе некоторые факты... Например то, как внезапно в Ярино появился мой жених. Я знала, что сосватали нас ещё в детстве, но не видела Моргана до своих семнадцати. А потом он вдруг появился у нас на пороге. Я была этому даже рада: давно пора было забыть Змея и жить собственной жизнью.

Так же, стоило мне хоть немного подумать, как я поняла, что ни разу не видела эту самую сломанную ногу. Морган просто сказал, что сломал ее, а потом не ходил. При мне.

Когда загорелась церковь, вся деревня была на огородах. Только Морган был "дома".

– Я одного не могу понять, – протянула я, глядя ему в лоб. Головы он так и не поднял. – Зачем?

Мне было больно. Он вынудил меня прийти к нему за помощью. Вынудил меня помогать ему две недели, не боясь за свою честь, хотя все это время она была под угрозой! Он заставил меня забыть его, а теперь заставляет вспомнить. Я замурилась, чтобы не дать слезам найти выход...

А когда открыла глаза, он уже стоял напротив. Его прозрачно-серые глаза были напротив моих, и только теперь я увидела, как сильно он похож на Моргана. Только цвет глаз и волос у него светло-серый. В остальном – братья-близнецы! Или... один и тот же человек?

– Зачем? – прошептала я ему в губы. – Я и так была готова идти за тобой. Зачем было проверять меня?

– Я не проверял. Я хотел, чтобы ты ко мне привыкла. Я хотел, чтобы ты стала новым богом для своих яринцев, когда выйдешь за меня замуж и придёшь к ним в гости, – ответил он, глядя мне в глаза. – Я составил целый план, чтобы тебя завоевать. Настоящая многоходовка...

– А нужно было просто прийти ко мне, и сказать, что любишь.

– Нужно было. Но я же хитрый и коварный Змей. Я не умею ползать прямо.

– Ты не Змей! Ты идиот! И я собралась замуж за идиота...